

Логинова Мария Александровна

К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАЗАХСТАНСКИХ АВТОРОВ)

В общем контексте исследования мировоззрения русскоязычных казахстанских авторов настоящая статья поднимает проблему их художественной идентификации. Основное внимание акцентируется на таких аргументах как прямые авторские заявления, литературная критика, сами художественные произведения, а также органы печати, которые служат показателем двументальной природы творческого мышления русскоязычных писателей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. I. С. 139-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. 김 선규. **문학문체론. 과학백과사전출판사. 평양 2011.** (Ким Сонгю. Мунхак мунчхэрон. Квахак пэквасачжон чхульпханса. Пхеньян, 2011. = Ким Сонгю. Стилистика художественной литературы. Пхеньян: Изд-во научных и энциклопедических словарей, 2011. 271 с.)
10. **문화어학습참고서. 사회과학출판사. 평양 1973.** (Мунхвао хаксып чхамгосо. Сахве квахак чхульпханса. Пхеньян, 1973. = Учебный справочник культурного языка. Пхеньян: Изд-во общественных наук, 1973. 542 с.)
11. 박용순. **조선어 문체론 연구. 과학, 백과사전 출판사. 평양 1981.** (Пак Ёнсун. Чосоно мучхерон ёнгу. Квахак, пэкквасачжон чхульпханса. Пхеньян, 1981. = Пак Ёнсун. Исследование стилистики корейского языка. Пхеньян: Изд-во научных и энциклопедических словарей, 1981. 222 с.)
12. **조선말대사전 . 사회과학출판사. 평양 2007.** (Чосонмаль тэсачжон. Сахвеквахак чхульпханса. Пхеньян, 2007. = Большой словарь корейского языка Т. 1. Пхеньян: Изд-во общественных наук, 2007. 1881 с.)
13. **우리 생활과 언어. 사회과학출판사. 평양 1963.** (Ури сэнхвальгва оно. Сахвеквахак чхульпханса. Пхеньян, 1963. = Наша жизнь и язык. Пхеньян: Изд-во общественных наук, 1963. 282 с.)
14. **현대조선말사전.(제2판). 과학, 백과사전출판사. 평양 1981.** (Хёндэ чосонмаль сачжон (чэ 2 пхан). Квахак пэкквасачжон чхульпханса. Пхеньян, 1981. = Словарь современного корейского языка. 2-е изд-е. Пхеньян: Изд-во научных, энциклопедических словарей, 1981. 2960 с.)

ON CERTAIN TENDENCIES OF DEVELOPING STYLISTICS OF THE KOREAN LANGUAGE IN THE KOREAN DEMOCRATIC PEOPLE'S REPUBLIC

Lim Valentina Nak-Sunovna
Far Eastern State Humanitarian University
valniklim@yahoo.com

The article presents the material of theoretical and applied studies of the author in the sphere of stylistics of the Korean language which is not included in the manual "Stylistics and culture of speech of the Korean language". Analyzing the process of formation and development of stylistics in the Korean Democratic People's Republic, the author describes the most important issues of stylistics of the modern Korean "cultural" language. Relying on the critical analysis of the papers of the Korean linguists the researcher concludes that in the modern stylistics of the Korean language, experiencing the period of formation and development, we can observe contradictive approaches and uncertainty in the understanding of the basic terms, as well as uncertainty in the subject itself.

Key words and phrases: Korean language; Democratic People's Republic of Korea (DPRK); cultural language; style; stylistics; functional stylistics.

УДК 80

Филологические науки

В общем контексте исследования мировоззрения русскоязычных казахстанских авторов настоящая статья поднимает проблему их художественной идентификации. Основное внимание акцентируется на таких аргументах как прямые авторские заявления, литературная критика, сами художественные произведения, а также органы печати, которые служат показателем двументальной природы творческого мышления русскоязычных писателей.

Ключевые слова и фразы: русскоязычный автор; идентификация; национальная культура; мировосприятие; двументальная природа творчества.

Логинова Мария Александровна

Костанайский государственный педагогический институт
Mariya.loginova.78@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАЗАХСТАНСКИХ АВТОРОВ)[©]

Осмысление феномена русскоязычной литературы всегда требовало и требует от исследователей разрешения как теоретических, так и практических проблем, связанных непосредственно с автором и его творением. Поиски типологической принадлежности писателя к определённому виду культуры особенно характерны для литературных текстов, написанных нерусскими авторами на русском языке, а также представителей иных национальностей, проживающих в национальных республиках. Мы считаем, что специфическими чертами их творчества является особое мотивное поле, а также сложное ментальное мироощущение.

Актуальность рассматриваемого вопроса о проблемах идентификации русскоязычного писателя в современном поликультурном пространстве очевидна. Исходя из того, что этот процесс имеет локальные культурные

особенности, происходящие на ментальном уровне, мы приходим к мнению, что ответы нужно искать, анализируя литературную деятельность каждого отдельного русскоязычного автора и литературного процесса в целом.

Рассмотренные на примере русскоязычной казахстанской литературы факты дают нам основание считать, что русскоязычное творчество имеет двойную природу ментальности, так как отмечено непосредственным творческим контактом двух (в некоторых случаях и трех) культур.

Языковая картина в русскоязычной литературной среде Казахстана неоднозначна. Нами были выделены следующие типы.

1. Полное (двустороннее двуязычие). Ярким примером может служить творчество таких писателей-казахов, как: Р. Сейсенбаев [25], А. Алимжанов [1], А. Кодар [15], Д. Накипов [22] и др.

2. Неполное (одностороннее) двуязычие:

а) этнический казах пишет на русском языке, зная казахский язык и прибегая к нему в переводах с казахского на русский (А. К. Ахетов [3], Б. Канапьянов [13; 14] и др.);

б) этнический казах использует в своем творчестве только русский язык (С. К. Санбаев) [24].

Творчество русскоязычных казахских писателей втягивает в свое силовое поле и писателей не казахской национальности, проживающих в Казахстане. Это порождает своеобразное фоновое явление, что дает нам основание выделить еще один контингент писателей – представителей иных национальностей, в произведениях которых, так или иначе, затрагивается казахская тематика (М. Симашко [27; 28], С. Назарова [19, с. 115-120; 20, с. 68-79; 21, с. 16], В. Мосолов [18, с. 89-105], Н. Чернова [31, с. 6; 32, с. 5-76; 33, с. 3-62] и мн. др.), а также авторов, занимающихся еще и художественным переводом (Г. Бельгер [6, с. 66-91; 7; 8], А. Арцишевский [2, с. 112-117]). В обоих случаях они будут осуществлять межкультурную коммуникацию как процесс общения и обмена духовными ценностями между народами.

Обозначив контингент казахстанских русскоязычных авторов, перейдем к вопросу об их идентификации. И хотя однозначно идентифицировать русскоязычных писателей невозможно, мы считаем, что аргументами культурной идентичности могут служить следующие.

I. Прямые авторские заявления. В связи с этим считаем необходимым привести фрагменты из очерков и интервью некоторых писателей.

Известный казахстанский автор А. К. Ахетов выразил свою принадлежность к русской и казахской культурам такими словами: «...воспитан на двух культурах, утоляю жажду из двух чистейших родниковых истоков» [30, с. 8].

Высказывание Б. М. Каирбекова тоже наводит на мысль о двойственности его миропонимания: «...по национальности – казах. Пытаюсь доказать это – в первую очередь, себе, хотя ничего толком о казахам не знаю, говорю и пишу на русском, воспитан на русской и западной культурах» [11, с. 3].

Богата ментальными характеристиками документальная проза российского немца Г. К. Бельгера: «...я, аульский воспитанник, аульский немец, до сих пор взираю на мир с высоты аульного холма... Мое сердце ближе к казахам...» [6, с. 90].

М. Д. Симашко (М. Шамис) так соотносит себя с казахской культурой: «Работать могу только здесь (в Алма-Ате). Здесь мои герои, история, тема, жизнь, судьба» [27, с. 4].

Б. Канапьянов считает, что «всех нас объединяет язык великой русской литературы... Русскоязычное пространство заложено в нас генетически...» [14, с. 55].

В некоторых случаях писатель может конкретно выражать свою принадлежность к одной культуре, как О. Сулейменов: «Я пишу на русском, но я казахский писатель, об этом говорят и содержание, и большинство стилевых признаков моих писаний» [29, с. 13], или же ни к какой, как Б. Момыш-улы: «...я чужой для обоих народов, и никому не нужен, кроме себе подобных...» [17, с. 28].

Как видим, попытки авторов самоидентифицировать себя в отношении к той или иной культуре указывают на сложность и неоднородность их художественного сознания.

II. Литературная критика. Утверждения о двойственной ментальности произведений русскоязычных писателей нередко встречаются в критической литературе. Критики считают русскоязычное творчество особой ветвью литературы, возникшей на стыке двух культур и отличающейся своим явным маргинализмом. И хотя специального монографического исследования идентичности русскоязычных казахстанских авторов нет, все же наблюдения за критическими суждениями литераторов позволяют сделать конкретные выводы. Приведем вкратце несколько суждений известных критиков и писателей.

На особый характер творчества О. Сулейменова указывает российский исследователь Н. Л. Лейдерман: «Олжас Сулейменов пишет по-казахски на русском языке. В русскоязычном произведении “нерусского” автора – иная ритмика, иные оттенки значения, чем в русском...» [16, с. 50].

Проблему двументальности затрагивает, к примеру, А. Эбаноидзе. В аннотации к книге молодого русского казахстанского автора И. Одогова он отмечает: «...пространство его повествования азиатски-жаркое, освещенное беспощадно ярким солнцем; кажется, что, читая эту прозу, невольно щурить глаза» [23, с. 5].

На специфику русскоязычной литературы Казахстана указывает алматинский литературовед В. В. Бадиков. Он склоняется к выводу, что, как правило, «в художественный состав крови таких писателей, в их художественный мир непременно входит феномен кочевничества, сознательное нарушение замкнутого пространства» [5, с. 161]. Анализируя творчество Б. Канапьянова, по собственному определению «кочевника с авиабилетом», он находит стихию кочевой вольницы и в творчестве русского казахстанского автора Н. Черновой [Там же, с. 167]. А ее утверждение «как материнских две руки, два языка меня качали» [31, с. 6] также подтверждает ее двойную художественную самоидентификацию. Две руки, два языка одного целого, жизни, судьбы.

В предисловии к последней книге М. Симашко, Четвертый Рим Г. К. Бельгер так характеризует его жизненные и творческие принципы: «...интернациональный элемент всегда доминировал в его творчестве, он умел увидеть изнутри жизнь другого народа – увидеть любовно и дружески. У него есть некое двойное зрение...» [28, с. 5].

Безусловно, что казахстанские критики смотрят на материал соплеменников изнутри, с ракурса собственного национального мировоззрения. Однако, как видим, и некоторые российские литераторы приходят к общему выводу о том, что культурный код русскоязычных писателей Казахстана не идентичен как чисто русскому, так и казахскому.

III. Сами литературные произведения русскоязычных писателей говорят об их двойном культурном сознании. В связи с научной темой в статье мы рассматриваем в большинстве случаев прозаические тексты, но для получения объективных данных считаем необходимым обратиться и к лирическим произведениям.

1. Показателем двойственной ментальности в русскоязычных произведениях служат определенные оценки, часто выраженные в тексте при помощи личных местоимений. Так, в художественно-публицистическом очерке сибиряка В. Р. Гундарева прослеживается его родство со своей фактической родиной – Казахстаном:

Вернувшись в Астану, я подумал: бывая за рубежом, мы восторгаемся заграничными достопримечательностями... А ведь у нас есть чему удивляться и радоваться. И земля обетованная не где-то там, в дальней стороне, а в родных пределах [9, с. 7].

Для Гундарева характерно постоянное живописание Астаны. Пространственной доминантой является казахская земля. И в то же время в его лирике чувствуется ностальгия по исторической родине (село под Новосибирском): *Из родной сибирской глухомани / увела меня судьбы тропа... И здесь же: Стала близкой мне степная даль* [10, с. 3]...

В художественном мире русскоязычного казаха Б. Канапьянова выражается одинаковое приятие как родной Алма-аты (*Алма-Ата, зеленый город мой*) [13, с. 160], так и русской Москвы (*Тебя, мой город-повелитель...*) [Там же, с. 168].

2. В другом случае в качестве инструмента авторского самовыражения происходит наложение другого языка, причем не только иноязычных слов, но и имен. Так, в произведениях Г. Бельгера наблюдается сплав трех культур: «*Коржун был пуст. За многие годы он привык быть во главе байги.*

– *Говори, шведерин. Надо жить, киндер. – Иоханес смутился своего покровительственного тона* [7, с. 232].

Или:

– *Ой-бай, ага, не мешкай, торопись, – пробормотал Жуматай... Жуматай и Эдмунд долго простояли на обочине... Жуматай сразу узнал в ней Полину* [Там же, с. 155].

У С. Санбаева также часто в пространстве текста фигурируют казахские и русские имена:

– *Вот дает Галимжан! – с восхищением проговорил Сережа, обгоняя его* [24, с. 129].

Как видно, плавность и ненавязчивость предложений, содержащих иноязычные слова и имена, указывают на их органичное вращение в ткань русскоязычного текста.

3. Принадлежность к двум национальным мирам проступает через топонимию.

Например, у А. Сергеева: «*Нет, теперь перед ним от горизонта до горизонта стелется его родная Сары-Арка, колыбель его родичей и его самого, его Елим-ай...*» [26, с. 221]. И в этой же повести читаем: «*Они (фашистские захватчики) нашли смерть в нашем небе, их кости гниют в болотах России...*» [Там же, с. 153]. В данном случае синтез двух культур выражен при помощи казахских слов, данных без подстрочника, что характеризует, вживание писателя в национальный мир, ставший для него закономерным. Автор с любовью пишет как о Казахстане (*родная Сары-Арка*), так и о России (*наше небо*). Эти два чувства в повести проходят параллельно и усиливают друг друга.

Отметим, что В. Гундарев, А. Сергеев, Г. Бельгер являются представителями старшего поколения писателей, вынужденно оказавшихся в Казахстане. Во всех приведенных случаях налицо – зависимость творчества от территории проживания.

4. Нередко названия произведений указывают на двуплановость творческого мышления. Использование инонациональных образов, не принадлежащих родной культуре автора, способно отражать специфическое понимание другой национальной культуры, так как их присутствие раскрывает взаимодействие двух национально-языковых картин мира в одном художественном тексте. Например, у Б. Каирбекова встречаются такие названия, как *Аленький цветочек*, *Вишневый сад*, *Пиковая дама*, *пиковая дама* [12, с. 33, 79, 223]; у М. Симашко – *Емшан* [27, с. 446], у Г. Бельгера – *Туюк суб* и др. [8].

5. Формами мироощущения автора служат архетипические национальные образы. Здесь для примеров необходимо обратиться к творчеству писателей, которые, в отличие от представителей старшего поколения, родились и выросли в Казахстане и в произведениях которых наблюдается не только органическое переплетение русских и казахских эстетических традиций, но и отсутствие трепетной ностальгии по родине предков. Например, в прозаических произведениях Н. Черновой речь персонажей насыщена русскими пословицами и поговорками. Просторечная лексика, частые повторы и междометия передают особое отношение автора к живому, образному русскому языку: «*Марфа Ивановна сухой ладошкой платок белый оправляет, словоохочнает: – А я че? Нарботаюсь в колхозе, прибягу, а оне простют: – Марфуша, поищишь нам в голове...*» [32, с. 5]. Для автора Марфуша – это архетипический образ мудрой старушки, долгожительницы, олицетворяющей старую Русь.

В следующем случае наблюдается совмещение в одном тексте русских и казахских национальных образов-архетипов, которые проявляются на ассоциативном уровне: «*После цветения горчицета и гусиного лука начинает колоситься ковыль. <...> Серебряные ости склоняются и снова выпрямляются, будто кладут*

поклоны солнцу, которое всходит из-за дальней сопки – огромное, красное, оперенное совиными перьями ковыля, будто бубен стеного шамана». В этом отрывке русские образы красное солнце, бубен (ассоциация с бубенцами на русской тройке), трава гусиный лук, осты (пшеничные колосья в русском поле) переключаются с типичными для степняка образами ковыля, сопки, шамана [33, с. 4].

Лирика Н. Черновой также связана с русско-казахскими реалиями. Ярким примером служат такие строки: «...горячность диких скакунов / и горечь белого емшана / вошли в дыханье русских слов / и с кровью русичей смешались» [31, с. 6].

В творчестве другой казахстанской писательницы и поэтессы С. Назаровой уже названия повестей и рассказов несут в себе фольклорную основу (Свободная чайка бабка Ариша, Долго и счастливо...) [19, с. 115-123] и вызывают у читателя ассоциации с русскими народными сказками. Также с любовью описывает автор и своих казахских персонажей: «Бабушку я помню... раньше, чем свою мать, <...> Кроме меня, к бабушке приезжали еще мои двоюродные братшика и сестренка, Ерлан и Макпал. <...> Пока их родители отдыхали... они находились у моих ажешки и аташки...» [20, с. 68]. Для автора герои этих рассказов (Ариша, Мурселя, Дедуля) – носители нравственного начала в жизни, символизирующие древние образы русских сказочных старушек, ведунь, знахарок, а также образы мудрых и справедливых степных аксакалов и их жен. Писатель творчески как бы разглядывает изнутри свои русские и казахские корни, которые сформировались в пределах республики.

Для лирики С. Назаровой, в отличие от прозы, характерна некая жесткость и бескомпромиссность в сложной проблеме идентификации своей не просто этнической, но и духовной родины. В Русской песней звучит упрек своим, русским: Кто озабочен здесь судьбой моею? / Мы не чужие, но и не свои... А вот свою любовь к Казахстану автор сравнивает с матерью: ...Ведь это все равно, что непрестанно мне изливаться матери своей о том, что для меня она [21, с. 16-17]...

Как видим, мироощущение авторов осложнено двойственным осознанием себя как представителей не одной, а двух (трех) культур, что отражено на страницах их художественных произведений.

IV. Органы печати. На специфическую ментальность русскоязычных писателей Казахстана указывает и наличие специальных печатных изданий. Одним из самых популярных на сегодняшний день является алматинский журнал Простор. На его страницах регулярно выходят в свет русскоязычные произведения как уже признанных, так и молодых казахстанских авторов и поэтов.

Также русскоязычные авторы активно печатаются в журналах Нива, Аманат, Литературная Алма-Ата, Мир Евразии, в международном журнале Дружба народов и др. Об интересе к русскоязычному творчеству национальных авторов в современной России говорит выход нового международного литературно-художественного журнала Мегалог (Пятигорск), основная концепция которого – сделать издание своеобразным культурным мостом, связывающим страны и континенты на основе русского языка. Это показывает особый характер пограничной литературы и ее бытование в целом литературном процессе.

Русскоязычное творчество казахстанских авторов показало возможность соединения различных национальных культурных традиций, которые в тексте приобретают особый информативный смысл, раскрывающий взаимодействие национальных моделей мира. Двументальная природа творческого мышления отражается в непринужденном органическом переплетении инонациональных мотивов и образов, не принадлежащих родной культуре автора, что в каждом индивидуальном случае указывает как на полную, так и частичную художественную адаптацию писателей к определенному национальному менталитету.

Список литературы

1. Алимжанов А. Возвращение учителя: роман. Алматы: Санат, 2002. 192 с.
2. Арцишевский А. Знак беды. Критика // Простор. 2012. № 11. С. 112-117.
3. Ахетов А. Древо жизни: сборник стихов. Алматы: Умай, 2007. 240 с.
4. Бадиков В. В. Линия судьбы. Творчество Бахытжана Канапьянова в историко-литературном контексте эпохи: учебное пособие. Алматы: Жибек жолы, 2002. 136 с.
5. Бадиков В. В. По гамбургскому счету: рассказы, повесть, эссе, воспоминания / составители В. Бадикова, А. Арцишевский. Алматы: Идан, 2007. 400 с.
6. Бельгер Г. К. Из дневниковых записей // Простор. 2010. № 12. С. 66-91.
7. Бельгер Г. К. Сочинения: в 10-ти т. Избранное. Алматы: Детская литература, 2009. Т. 1. Каменный брод. 328 с.
8. Бельгер Г. К. Туяк су. Избранное. Алматы: Дайк пресс, 2004. 246 с.
9. Гундарев В. Р. Земля обетованная... в отеческих пределах // Казахстанская правда. 2008. № 39-40.
10. Гундарев В. Р. Розы и полынь. Избранное. Алматы: Жазушы, 2009. 176 с.
11. Каирбеков Б. Далекие и близкие: избранные переводы. Астана: Аударма, 2012. 288 с.
12. Каирбеков Б. Избранное. Стихи и проза. М.: ТЕЗАУРУС, 2010. 416 с.
13. Канапьянов Б. М. Избранное. Алматы: Жибек жолы, 2011. Т. 1. 480 с.
14. Канапьянов Б. М. Кофе-брейк: заметки, эссе, диалоги. Алматы: Жибек жолы, 2004. 272 с.
15. Кодар А. Степное знание: очерки по культурологии. Астана: Фолиант, 2002. 208 с.
16. Лейдерман Н. Л. Русскоязычная литература: перекресток культур // Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2005. Вып. 8. С. 48-54.
17. Момыш-улы Бахытжан. Право на возвращение // Столица. 1994. № 3. С. 27-31.
18. Мосолов В. Дождь в степи // Простор. 2011. № 2. С. 89-105.
19. Назарова С. Н. Долго и счастливо... // Нива. 2011. № 3. С. 115-123.
20. Назарова С. Н. Мой зеленоглазый аруах // Простор. 2012. № 6. С. 68-79.
21. Назарова С. Н. Не оставляйте на потом: сборник стихов. Алматы: Жибек жолы, 2005. 190 с.
22. Накипов Д. Женщина и пурпур: избранная лирика. Алматы: Отау, 2004. 172 с.

23. **Одегов Илья.** Любая любовь: сб. повестей и рассказов. М.: Фонд СЭИП, 2013. 248 с.
24. **Санбаев С. К.** Собр. соч.: в 6-ти т. Астана: Агроиздат, 2009. Т. 2. Времена года нашей жизни: тетралогия. 432 с.
25. **Сейсенбаев Р.** Мертвые бродят в песках: роман. Жидебай: Международный клуб Абая, 2006. 672 с.
26. **Сергеев А. Н.** Звездное небо Талгата: хроника подвига. Алматы: Казахстан, 1997. 224 с.
27. **Симашко М. Д.** Колокол: роман и повести. Астана: Аударма, 2011. 568 с.
28. **Симашко М. Д.** Четвертый Рим. Алматы: Детская литература, 2013. 308 с.
29. **Сулейменов О. О.** Поэт-вопрос в толпе восклицательных знаков и многоточий // Байтерек. 2005. № 5-6. С. 13-19.
30. **Тараков А.** Амантай Ахетов: К покаянию жестокость людскую взываю... // Казахстанская правда. 2007. № 76. С. 8-9.
31. **Чернова Н. М.** Простору – 80 лет. Два языка // Простор. 2013. № 5.
32. **Чернова Н. М.** С миру по нитке // Простор. 2012. № 1. С. 5-76.
33. **Чернова Н. М.** С миру по нитке // Простор. 2012. № 2. С. 3-62.

**ON THE PROBLEM OF CREATIVE NATIONAL IDENTIFICATION OF A RUSSIAN-SPEAKING WRITER
(BY THE EXAMPLE OF THE WORKS OF THE KAZAKHSTAN AUTHORS)**

Loginova Mariya Aleksandrovna
Kostanay State Pedagogical Institute
Mariya.loginova.78@mail.ru

In the general context of studying the world outlook of the Russian-speaking Kazakhstan authors the article raises a problem of their artistic identification. The researcher focuses on such arguments as direct author's declarations, literary criticism, literary works themselves and also organs of the press which serve as an indicator of a bi-mental nature of the creative thinking of the Russian-speaking writers.

Key words and phrases: Russian-speaking author; identification; national culture; world-view; bi-mental nature of creative work.

УДК 811.161.1:61

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия концепта и соотношение в предметной области «хирургия» феноменов «термин», «концепт», «язык науки», «научный концепт», «концепт языка науки», которые отражают различные ступени познавательного процесса и его результаты. Концепты хирургии очень значимы в процессах создания хирургических понятий, оязычиваясь посредством терминов различной степени специальности.

Ключевые слова и фразы: концепт; хирургическая терминология; номинационно-кодирующая система; язык специальности; когнитивный феномен.

Макаренко Елена Дмитриевна, к. филол. н.

Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России
makarenkoed@inbox.ru

КОНЦЕПТ КАК ЗНАК ЯЗЫКА НАУКИ[©]

В настоящее время актуальной является проблема определения концепта как знака языка науки.

Изучая концепт как единицу языка науки, мы основываемся на признании за научным концептом функции репрезентации максимально соответствующих для данной науки смыслов, опыта, ассоциаций, знаний, научных понятий. Таким образом, научный концепт можно определить как максимально когнитивно сконцентрированное образование, как генеральную совокупность различных терминологических информационных систем, которые представляют стратификационное членение научной сферы знаний, реализующих в процессе научной коммуникации ряд основных функций, таких как когнитивно-гносеологическая, коммуникативно-прагматическая, деривационно-метаязыковая и другие. Научные концепты, так же как и термины науки, являются наиболее важным средством формирования и развития этой науки: как считал Р. Карнап (Carnap), всякая наука сама по себе является языком этой науки [7]. В каждой науке существует особая система взаимосвязанных научных концептов, выражающих скопление понятийно-когнитивной информации, которое представляет базовый, системообразующий элемент научного знания. Таким образом, научные концепты, как и научные термины, способствуют формированию смыслового и когнитивного содержания научного текста, в том числе и по хирургии.

В современной теории языка признаётся, что, хотя проблема описания концепта в когнитивной лингвистике представлена достаточно широко, для теории научного текста она продолжает оставаться открытой [6, с. 199]. С. В. Ракитина, изучая смыслообразующий потенциал концепта в научном тексте, отмечает, что в нём концепт находится в более близких отношениях с понятием, чем другие мыслительные структуры; отличается, идеальным характером, хотя и является результатом отражения действительности в сознании человека; формируется в процессе накопления информации об объективной действительности и участвует в передаче научной информации [Там же]. В. З. Демьянков считает, что, хотя научный концепт соотносится с понятием,